

ВЛАДИСЛАВ СКИТНЕВСКИЙ

Барачное чтение

Из истории современности

У каждого из нас есть «право, которое никому не отнять: желать себе любое желание». И хорошо бы каждому из нас «пожелать себе хороших книг».

ЧТЕНИЕ во многом зависит от обстоятельства места, в котором его осуществляют. Известно, например, чтение классное и внеклассное, домашнее, семейное, аудиторное, тюремное, лагерное, больничное, курортное и другое. Между тем было ещё чтение барачное. Оно определялось местом жительства читателя - в бараке, в этом архитектурном сооружении, специально рассчитанном на андеграундную среду советского общества.

Барачные посёлки быстро вырастали там, где надо было срочно поселить заключённых или репатриированных людей для выполнения тяжёлой, изнуряющей работы, срочно необходимой государству. Миллионы советских граждан рождались, жили и умирали в бараках. Убогие и разнообразные по архитектуре, по целевому назначению, они были ярким символом нашего недавнего прошлого. Трудно сказать, покончили ли мы с этим позорным явлением сегодня или нет, но забывать об этом не следует. Здесь я напомним читателю только об одном аспекте барачной жизни - о книге и чтении в бараках.

Что представляли собой бараки конца сороковых годов? В Сталинской области, что в Кузбасском угольном бассейне, бараков после войны сколачивалось великое множество. В местах, где строилась шахта, сразу же появлялись бараки. Правда, построенные для строителей шахт и шахтёров в Прокопьевске или в Осинниках, они были много лучше, чем, допустим, в Мысках, где их возводили ещё ГУЛАГом до войны.

Однако менялось время, менялась политика, менялись и обитатели бараков, вот только барачный мир оставался всегда неизменным. Здесь формировался особый тип личности - человек барачный, со своей системой ценностей, потребностей, культурой. Его отличали безразличие ко всему на свете, скрытость взглядов на мир, подозрительность и поражающая терпимость к самому себе и происходящему. Что же касается общего признака самих бараков, то это их скрытое пространство, в котором властвовали неимоверная теснота, жёсткая канонизация норм барачного поведения, отсутствовали туалеты, нормальное отопление и освещение. Власти все эти нюансы видели, но игнорировали. Барак должен был оставаться баракom, а человек - соответствовать своему месту в нём.

Но даже и здесь, в этих буквально inferнальных условиях, люди продолжали не только жить, но и... читать. Вопрос этот объёмный, и потому остановлюсь только на чтении подростков, попавших сюда по злой воле подзаконных актов законодательства того времени.

Барачное бытие

Женские бараки конца сороковых годов в Кузбассе были заполнены в основном заключёнными. Но там, где женщины, там всегда и дети. Где стадо кобылиц, говорит мудрая казахская пословица, там всегда и жеребята. Женщинам государство шло всегда навстречу: по достижении 12 лет ребёнка из детдома могли перевести к его матери по месту её заключения. Запретить материнство в неволе даже тогда никто не мог. Может быть, поэтому и аборты были запрещены. Находясь

вместе с матерями, отбывающими свой срок заключения, мы, подростки, уже догадывались, что формируемся и созреваем не столько в мире, сколько в антимире, с его антиэстетикой и алогичностью бытования. Такого с нами не было даже в детских домах на воле. Когда наши мамани уходили утром строем на лесоповал, мы оставались, чтобы всё прибрать в бараке и подготовить необходимое к их возвращению. А возвращались они с работы, похожие на жвачку, разжёванную, выплюнутую и раздавленную ногой какого-то страшного чудовища. Женщины буквально валились с ног на нары прямо в сапогах и ватниках, а мы быстро бежали к ним с тапками и ведрами, поливая им из ковша подогретую воду в их натруженные ладони. Потом все рассаживались за длинный стол с разложенными пайками хлеба. Ели они молча, как-то иступлённо, со злостью уставившись в тарелку с постными щами. После ужина мы быстро убрали всё со стола, и каждый занимался своим делом. За столом оставались только мы, подростки, и хромоногая Маргарита, студентка философского факультета, ожидающая освобождения в связи с ампутацией ступни после обморожения. Это были самые любимые минуты нашего досуга.

Я помню, как вечерами, при свете одной-двух электрических лампочек мы узнавали из разговоров матерей о том, что происходит в стране: о денежной реформе, о запрещении абортов и религии, о раскрытии Ленинградских врагов народа, о еврейском заговоре врачей. Нам становилось страшно за самих себя, и мы в тайне жалели, что родились от таких матерей, которые тоже, наверное, причастны к некоторым делам, если находятся в этих бараках. Теперь мне очень стыдно за эти мысли.

Между тем заключённых прибавлялось с каждым днем. Прибавлялось и число бараков. Их строили быстро в Сталинске, в Осинниках, в Мундыбаше и заселяли строителями шахт из числа бывших эков, немцами Поволжья, депортированными из Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии. Они назывались «Трудармией».

В наш барак тоже прибыли новенькие. Мы удивлялись, как много культурных людей почему-то совершают преступления, за которые им теперь приходится валить лес и жить в таёжных бараках. Играя со своими сверстниками на территории зоны, мы без особых проблем находили с ними общий язык. Незаметно и быстро усваивали красивую и даже очень понятную «украинскую мову», жёсткую, слегка командную, немецкую речь. Всех нас тогда объединяло несколько обстоятельств. Во-первых, мы были безотцовщиной, хотя, судя по проводимой с нами воспитательной работе, идея отца занимала здесь очень важное место. В основе её лежала мысль об отце всех народов, и если воспитатели имели в виду Сталина, то в бараках, в полумраке, матери намекали на Бога-отца. Нам в этом разобраться было трудно. Ясно было, что отец-то был, но... один на всех. Во-вторых, ни у кого не было права покидать данную территорию. Даже у завербованных рабочих паспорта обязательно изымались, а в нашем бараке ночью выставляли конвой. В-третьих, воинствующий атеизм, внедрённый в наше сознание ещё в детских домах, вызывал частые конфликты матерей с приехавшими к ним детьми, уже вступившими в пионеры. В этой связи ситуацию спасали только книги, удивившие нас в мир Робинзона Крузо или капитана Гранта. Мы любили русские народные сказки, сказки Бажова об уральских самоцветах. Но особенно ходовой была книжка Дж. Чосера «Кон-терберийские рассказы», её читали по очереди, весело смакуя и пересказывая.

К тому времени в бараках уже разрешалось иметь собственные библиотечки, хотя их книжный фонд подвергался строгой проверке. Чаще других хозяевами этих книжных собраний были прибывшие по этапу эки высокого интеллектуального уровня. Именно они внесли в барачную жизнь новые правила бытования: нас, подростков, заставляли делать зарядку, на ночь мыть ноги, брать книги только по их рекомендации. Наши матери поначалу на них озлобились, обзывали «космачами», «ковырялыщица-ми», «жидовками». Однако вскоре успокоились и даже стали виновато заискивать перед ними после того, как в бараке стало значительно чище, помещения стали проветриваться, женщины стали меньше ссориться, а мы — бегать на зарядку и читать умные книжки.

Вхождение в новые миры

Теперь, с высоты многих лет, я убедился в том, что, читатель, даже если он ещё и совсем юный, — лицо очень даже частное, самостоятельное. Он может обладать правом выбора книги, дать оценку самому автору и его произведению. Никто нам силой не навязывал книгу, никто не спрашивал, понравилась ли она. Здесь каждое лишнее слово могло стать основанием для подозрения. Страх оказаться под подозрением, страх «схлопотать» дополнительный срок сковывал взрослых читателей, настораживал их, оставляя нас в недоумении.

Скоро чтение для нас стало чем-то похожим на струю свежего воздуха в затхлом помещении барака. Читали все: и взрослые, и подростки. Сначала мы слушали, что говорили взрослые о книгах, а потом уж сравнивали услышанное со своими личными впечатлениями. Конечно, наши оценки тогда не шли в сравнение с оценками взрослых читателей. Они были бледными, зависимыми от среды обитания, в которой мы развивались и формировались. Тогда, например, мы ещё не могли понять мир семьи, поскольку сами не имели ничего общего с семейным чтением, сами никогда не видели отца, бабушку или дедушку.

Наше вхождение в мир взрослого человека средствами книги и чтения осуществлялось на фоне барачного бытования, жестокого по сути, отвратительного по форме. Сравнить такую жизнь я бы мог сегодня только с картинами великого Иеронима Босха. Лучше художника просто не подыскать.

Как обладатели сформировавшегося тела и мозга, мы к этому времени уже могли управлять нашими чувствами, действовать мотивировано, продумано. Научившись видеть и понимать жизненную ситуацию, мы терпеливо и молча воспринимали книжную ложь, не идущую ни в какое сравнение с нашим реальным положением в человеческом обществе. Постоянная неудовлетворённость элементарнейших потребностей вызывала в нас внутреннюю агрессивность, направить которую хотелось на любого, кто действительно был виноват в наших бедах. Но таких людей рядом не было. И тогда мы вымещали зло на персонажах, с которым встречались в книгах или просто тихо матерились, как это делали громко женщины в бараках. Наш внутренний читательский диалог с героями прочитанных книг проходил тогда без учёта собственного жизненного опыта. Например, книги о чьём-то детстве или отрочестве нас раздражали особенно. Мы признавались друг другу в том, что пропускали и быстро перелистывали страницы с описанием детско-родительских отношений или прочитывали их без интереса. Всё это нам казалось неправдой или не совсем понятным. Не случайно и то, что наши скорые умозаключения о прочитанном, наши представления о персонажах были пропитаны подростковым максимализмом. Мы озвучивали их редко, но жёстко, в чёрно-белом стиле, безо всякой ретуши и полутеней. И даже это здесь, в бараках, не подвергалось критике взрослых. Нам всё прощалось. До нас просто никому не было дела.

В процессе чтения мы открывали для себя новые миры, хотя не могли еще переживать прочитанное так, как это переживали взрослые. Нам не хватало словарного запаса, общей культуры, без чего добиться восприятия, представлений, адекватных содержанию книги, было трудно. Наш духовный мир, манера общения, словарный запас выдавали нас с головой. Осторожные, недоверчивые, наши ребята ходили, как-то странно опустив голову, как это делали наши матери в строю, идя на работу. Когда мы встречали вечером матерей, нас охватывала какая-то иступлённо-восторжен-ная радость, которая вдруг быстро исчезала, когда они, валясь на нары, взывали к Богу, грязно матерились или впадали в истерику.

Тогда нас спасали книги. Читали мы всё подряд, что попадалось. Женщины из числа интеллигентных эзков, как правило, прекрасно образованные, рекомендовали прочесть ту или другую книгу, помогая её найти даже в других бараках. Этим людям нравилось присаживаться к нам, чтобы помочь в обретении элементарной грамоты. Им нравилось играть с нами в... школу. Устраивалось это удивительно творчески, с интересом, совсем не так, как это делается в некоторых современных школах сегодня. Только позже, будучи взрослыми, мы узнавали, с какими знаменитыми людьми жили мы тогда в бараках. Как много мы у них почерпнули. Они нас учили учиться у жизни. Учили мыслить.

«Литературная гостиная»

Но больше других вмешивалась в наше чтение студентка Маргарита. С трудом, на костылях, добиралась она на попутных подводах до других бараков в Осинниках, возвращаясь к вечеру уставшая, измождённая, но радостная. Она учила нас рассуждать. От неё мы узнали, кто такие Сократ, Платон, Аристотель. В её рассказах о книгах всегда было столько образов, метафор, символов, мифов. Маргарита казалась нам актрисой, играющей роль старухи Изергиль. Худая, с горящими глазами, с костылём в руке, она говорила с нами о книге разными голосами, как будто бы это был хор персонажей. Мы ловили каждое её новое слово, присваивая его себе на всякий случай. Даже матери удивлялись изменению нашей речи: переглядывались друг с другом, подмаргивая подружкам: дескать, «во как!».

По мере чтения степень нашего недомыслия сокращалась. Читая Пушкина, Тургенева, Некрасова, Бальзака, Боккаччо, Гюго, Мопассана, Сервантеса, других русских и зарубежных классиков, мы

замечали, что начинаем самостоятельно ориентироваться в художественной литературе, смелее оцениваем прочитанное. Наше физическое взросление в бараках превращалось во взросление читательское. Оно даже перешагнуло через незнакомый нам мир детской литературы.

Книжки ходили по баракам из руки в руки, независимо от возраста читателя. Мы, страдая явными признаками аутизма, постоянно искали укромный уголок, хотя найти его в бараке было непросто. С наступлением тепла уходили с книгой куда-нибудь подальше от барака, на лужайку, в лес, а зимой, прятались в укромном уголке, подставляя книжку ближе к замёрзшему окну, чтоб лучше видеть.

Наша Маргарита убедила нас в том, что очень полезно читать произведение вслух, что это помогает услышать голос писателя, понять его настроение. И она придумала «Литературную гостиную», на заседаниях которой мы, мальчики и девочки, читали стихи, в том числе свои собственные. Слушали нас в бараке с интересом, особенно матери. Наперекор усталости, преодолевая сон, они могли долго внимать выразительному, экспрессивному чтению своего чада. Но случались и протесты, требования тишины. Тогда, дождавшись, когда недовольные заснут и напомним о себе громким храпом, кто-нибудь из нас тихо подсвистывал, и храп быстро прекращался. Чтение продолжалось.

Были и более жёсткие возражения. Такое однажды случилось с романом Семёна Бабаевского «Кавалер золотой звезды». Первый вечер все слушали молча. Нам, например, очень понравилось повествование о том, как вернувшиеся с фронта мужчины, также геройски, как и воевали, восстанавливали колхозы, засыпали доверху хлебные амбары зерном, отправляли обозы с хлебом в города, получали за это высокие награды Родины. Однако утром женщины уходили на работу чем-то раздражённые, а вечером бригадир Фрида Штурм, из немцев Поволжья, заявила, что не надо «эту муру» читать дальше и швырнула журнал к порогу входной двери.

— У этого писателя даже фамилия против нас, баб. Пусть подавится этим хлебом «кавалер золотой...». Давайте спать. Всем по нарам. Скоро погасят свет.

Она встала босыми ногами на раскрытые страницы журнала и со злостью потоптала их. Вскоре свет выключили. Дождавшись храпа, зажгли керосиновую лампу и открыли очередное заседание «Литературной гостиной». Под мрачными дощатыми сводами барака зазвучали стихи Пушкина, Некрасова, Надсона, Бунина, Гёте, Гейне, Есенина, Анны Ахматовой, Павла Васильева и других поэтов. Сама Маргарита, знавшая не только законы философии, но и художественную литературу, учила нас русскому и латинскому языкам. Нам нравилось учить латинские крылатые выражения, а потом использовать их, чтоб нас не могли понять чужие или взрослые.

Однажды наше заседание «Литературной гостиной» неожиданно посетила начальница из КВЧ (культурно-воспитательная часть). Она зашла в барак с мороза и, потирая замёрзшие руки, сказала:

— Мне доложили, что вы заговорили на латинском языке. Я бы хотела послушать. До войны я тоже изучала его в медицинском. — Она достала из сумки большой бумажный кулек и высыпала на стол медовые пряники. — Это вам к чаю. Вы можете меня не бояться. Я очень люблю литературу.

Мы быстро разыграли маленькую сценку-диалог из жизни римских пастушков. Однако начальницу это не впечатлило, и она откровенно зевнула. И тогда тринадцатилетняя Кира Семёнова, которая больше других преуспела в латыни, неожиданно для всех прочла стихотворение про юную римлянку.

*Я скромной девочкой была,
Virgo dum floreban,
Нежна, приветлива, мила,
Omnibus plageban.
Пошла я как-то на лужок,
Flores abunare,
Да захотел меня дружок...
Ibi deflorare...*

Мы сами давно уже распевали эту песенку и потому притаились, ожидая реакции начальницы. Но та вдруг попросила Маргариту переписать ей этот стих и спросила нас с какой-то ехидной улыбкой:

- *И что же будет дальше, господа хорошие?*

Но, как говорится, пронесло, и мы довольные разошлись по баракам, обсуждая поведение начальницы. Читая на равных со взрослыми, мы не скрывали, что нам нравится уходить в мир интимных отношений мужчин и женщин, созданного известными писателями русской и зарубежной классики. В силу своего возраста, мы ещё не могли в полной мере оценить возможности художественного слова, с помощью которого жизнь мужчин и женщин воссоздавались на страницах книг Шекспира, Мопассана, Чехова.

Весной 1950 года я заболел. Сказалась перемена места: из детдома Кызылкумского района в Казахстане меня привезли в Сибирь, в таёжный край Горной Шории. Я сидел с книгой на завалинке, думая о том, как хочется есть. Одним чтением сыт не будешь. Постоянно ощущая в желудке пустоту, хотелось заполнить её хоть коркой хлеба. Не хотелось желать ничего, кроме еды. Апатия ко всему другому одолела меня, и я задремал. Почувствовал, что кто-то подсел ко мне на завалинку. Это был старик с клюкой. Он спросил, как я поживаю и почему такой невесёлый. Я молчал, потому что был заика и не хотел удивлять старика своим «красноречием». Он достал из своей торбы мешочек, снял с моей головы шапку и наполнил её кедровыми орехами.

- *Грызи. Ты голоден, —* сказал он. — *В твоём животе «присутствует отсутствие». Оттого ты и не весел. Грызи орехи и грызи науку. —* Старик ткнул меня клюкой в сердце. — *Там у тебя тоже пустота. Читать умеешь?*

Я кивнул и посмотрел на него с удивлением. Лицо его казалось совсем молодым, только заросшим чёрной окладистой бородой. Он пристально смотрел на меня.

- *Заполняй эту пустоту человеческим миром. Читай! Не сиди без дела. Истинное бытие человека определяется только его деянием. Пока ты ещё отрок, — и потому больше читай. Потом будет поздно. Запомни! У тебя есть право, которое никому не отнять: желать себе любое желание. Вот ты и желай себе хороших книг. Вот, возьми.*

Он исчез также быстро, как и появился, а в руках у меня осталась выдавшая виды книжка Ф. М. Достоевского «Бесы». Я отнёс книгу матери, а та отдала её Маргарите. Вечером Маргарита сказала мне:

— *Всё предвидел Фёдор Михайлович. Всё точно так, как у нас сегодня. Какая-то бесовщина вокруг. Ты книгу-то спрячь. Она запрещена. Возьми лучше эту. —* И она протянула мне «Молодую гвардию» Александра Фадеева.

Через неделю меня снова отправили в... Казахстан. А мать осудили ещё на три года за чтение запрещённых книг и отправили в Междуреченск.

До смерти отца народов оставалось три года.

